

Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность*

Л.М. Дробижева

Тема идентичностей — одна из наиболее реагирующих на политические перемены в стране и в мире в целом. Каждый раз с изменением политической ситуации, исходя из теории символического интеракционизма, теории ролей, социальной категоризации выбираются те концепты, которые интерпретаторам — политикам или политологам — кажутся наиболее приемлемыми для их проектов. Не является исключением и проблема взаимодействия и акцентации государственной, гражданской и этнической идентичности.

Этнические вызовы конца 1980 — 1990-х гг. ушедшего столетия стимулировали внимание к причинам роста этнической идентичности, ее содержанию и типам (норма, этноцентризм, этнодоминирование, этнофанатизм, этнонигилизм, амбивалентность). В тот период важно было показать, что рост этничности, самосознания у национальностей имеет объективные и субъективные причины, что позитивная идентичность не представляет опасности для общества, а угрозы исходят от гипертрофирования этнической идентичности, национализма и надо искать их причины.

В 1970-х и начале 1980-х гг. в научном мире обсуждались главным образом содержание понятия «национальное (в значении этнонациональное) самосознание» и его структура. В период дискуссии о понятии нации в журнале «Вопросы истории» В.И. Козлов, отстаивающий идею о национальном самосознании как признаке нации, понимал под ним отождествление людей, принятие принадлежности к данному сообществу (феномену). Ю.В. Бромлей ввел узкое и широкое понимание обсуждаемого термина. В узком значении слова он считал возможным понимать под этническим или этнонациональным само-

* Статья выполнена в рамках совместного российско-украинского проекта «Национально-гражданские идентичности и толерантность в России и Украине: сравнительный анализ», поддержанного РГНФ (грант № 05-03-91303а/Ук).

сознанием отнесение человеком себя к тому или другому народу, а в широком значении понималось не только самоотнесение к национальности, но и представление о ней (автостереотипы), ее языке, культуре, истории, территории и государственности, если она была¹.

Этносоциологи, изучая этническое самосознание, операционально выделяя его элементы, на основании широкого бромлеевского понимания включали в него, кроме того, и интересы, осознаваемые личностью, группой как этнические, национальные (в значении национальности). Посылком для такого понимания были выводы психологов, которые выделяли в самосознании три группы элементов — когнитивные, эмоциональные и регулятивные. Регулятивные элементы, приводящие к действиям в связи с самосознанием, как раз и не могут функционировать, если личность не осознает некоторых интересов, ассоциирующихся со своей личной идентичностью или идентичностью того народа, к которому она себя относит².

События конца 1980-х и начала 1990-х гг. прошлого столетия на советском и впоследствии постсоветском пространстве существенно изменили концептуальные подходы к пониманию этничности и ракурс интереса. Этническое самосознание стало чаще называться идентичностью, как на Западе, хотя социальные психологи видят некоторое различие между этими понятиями (С.В. Рыжова, Г.У. Солдатова), акцентируя в идентичности культурно-психологические составляющие, а в самосознании — и социально-политическую.

По-другому исследователи стали оценивать роль самосознания в связи с распространением конструктивистских подходов к этничности. Представления о своей национальности при этом подходе, также как этническая солидарность, без чего невозможна общность, как раз и являются ее «соединительной тканью». Таким образом, в рассмотрении этничности роль самосознания, идентичности существенно возросла³. Она стала предметом рассмотрения как индикатор межэтнической напряженности. Внимание к ее содержательному наполнению, интенсивности выросло, так как связывалось с распространением идей национализма в значении приоритета интересов

¹ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1972; Очерки теории этноса. М., 1983.

² Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография, 1985. № 5.

³ Дробижева Л.М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994. С. 9 — 10.

народа по отношению к интересам личности и стремления к максимально возможной самостоятельности (сепаратизм, сецессия).

В стремлении к снижению актуализации этничности ряд российских ученых, и прежде всего В.А. Тишков, стали акцентировать идею дрейфа идентичности, в том числе и даже прежде всего, этнической идентичности и переключения внимания населения с этнической идентичности на осознание государственной — российской идентичности, подчеркивая значение этой общегосударственной идентичности и необходимость активных усилий по ее формированию.

В начале XXI в., когда актуальная опасность сецессии (выхода каких-то территорий из состава государства) миновала, а сепаратизм в целом по стране (не считая некоторых районов Северного Кавказа) не грозил, встали другие проблемы — борьбы с проявлениями терроризма, с ростом ксенофобий и экстремизма. В этих новых условиях востребована гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение.

Здесь важно обратить внимание на разное значение одних и тех же терминов, понятий. Во Франции, Великобритании, США, Швейцарии рождение политической нации как политических сообществ, консолидированных в рамках конституционного государства, имеющих политическую, договорную природу, связано с идеями демократии, суверенитета самоуправляющегося народа. Американская исследовательница Лия Гринфельд в часто цитируемой ныне книге «Национализм: пять путей к современному обществу»⁴ характеризует суверенность нации как независимость, самоуправляемость общности, которая выводит свою свободу из свободы и достоинства личности (французские просветители требовали передачи суверенитета монархией народу). Достоинство и свобода воплощаются в политических институтах. Э. Паин, иллюстрируя этот подход приводит определение Р. Эмерсона: «Нация (общество) стремится овладеть государством как политическим институтом, с помощью которого она может защитить и утвердить себя»⁵. По сути, это тип государств с либеральной демократией, где государство — для народа. Потому государственная идентичность в таких странах практически совпадает с гражданской.

⁴ *Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA, 1992.*

⁵ *Emerson R. From Empire to Nation. The Rise of Self Assertion of Asian and African Peoples. Cambridge, 1960. P. 96. Цит. по Паин Э.А. Этнополитический маятник. М., 2004. С. 64 — 65.*

Иная традиция складывалась в России. Государство и в дореволюционной России и в Советском Союзе характеризовалось высоким уровнем централизации и иерархизации власти и населения (в сравнении с конституционными и впоследствии с демократическими государствами), не дававшими возможности самоорганизации общества, противопоставлявшими принцип гражданства принципу подданничества власти⁶.

В силу сложившегося исторического шлейфа восприятий и представлений в России принципиально важно различать государственное и гражданское самосознание. И в этом отличие российской ситуации от французской или ситуации в США, Швейцарии, где формирование политической нации-государства связано со становлением самоуправляющегося народа. Там государственная и гражданская идентичности сложились как равнозначные понятия, а у нас они не могут не различаться. Государственная — российская — идентичность, за которую давно активно ратует известный российский ученый В.А. Тишков, складывается значительно проще и поэтому быстрее, чем гражданское самосознание россиян. Первая формируется политической волей лидера, политической элитой, политическими антрепренерами, посылающими идеи, интерпретирующие государственность, державность. Имея в руках СМИ, возможность влиять на образовательную систему, изобретение и внедрение символов и знаков, сделать это возможно в исторически короткие сроки (особенно, если не пренебрегать этническими чувствами в полиэтнической стране, учитывать политические настроения при выборе флага, гимна, герба, формы войсковых соединений и т.п.). В 1992 г. при опросах москвичей — столичных жителей не более одной пятой идентифицировали себя как россияне⁷, а в начале XXI в. даже в далекой Саха (Якутии) 80 % населения имели такую государственную идентичность. Намного сложнее с формированием гражданского самосознания, которое связано с комплексом социально-психологических предпосылок в обществе, с заменой исторически сложившихся представлений у громадного большинства населения, переориентацией его с патерналистских настроений на деятельностную

⁶ Историки, разрабатывающие на современном уровне проект «империя» обращают наше внимание на то, что империя отличается отнюдь не только захватом и удержанием территорий, но автократией, утверждением принципа подданничества.

⁷ Опросы проводились Отделом этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН, рук. исследования — Ю.В. Арутюнян.

самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Различение государственного и гражданского сознания в России еще только начинает происходить⁸.

Этнополитолог Э.А. Паин дискутирует с В.А. Тишковым по вопросу понимания нации в этой связи как «государственной общности»⁹. Он считает, что назвать «российское согражданство нацией и приучить людей к употреблению такого термина» не решит еще проблемы формирования политической нации как гражданского общества, «овладевающей государством как своим орудием» (по Р. Эмерсону)¹⁰. Это невозможно именно без гражданского (а не просто государственного) самосознания.

Специальные репрезентативные исследования, изучающие формирование именно гражданского самосознания пока не проводились. Мы располагаем лишь материалами глубинных интервью с представителями элитных групп, в которых затрагивались проблемы государственного и гражданского сознания. Но то, что такое разделение уже начинает осознаваться, мы можем фиксировать. Приведу выдержку из интервью Юрия Арабова — поэта, писателя, известного как соавтора режиссера А. Сокурова, единственного сценариста, получившего приз Каннского фестиваля за сценарий фильма «Молох». «Современный мир бросает вызов России — вызов заключается в следующем: сумеет ли нация (ясно, что имеется в виду нация в западноевропейском понимании как гражданское сообщество) самоорганизоваться... Что такое гражданин? Человек, который умеет отвечать за себя и своих близких, а уже потом он начинает отвечать за дела государства»¹¹.

Представительные социологические опросы позволяют рассмотреть динамику множественных идентичностей, подвижность в их содержательном наполнении, а глубинные интервью помогают понять смысловое наполнение выборов, их значения. Поскольку в проведенных нами исследованиях в количественных измерениях фиксировалось государственное и этническое самосознание, мы остановимся, прежде всего, на их соотношении. При этом еще раз подчеркнем, что мы различаем государственное и гражданское самосознание, но также понимаем, что между ними нет пропасти, и даже в на-

⁸ Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость / Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 242.

⁹ Паин Э.А. Указ. соч. С. 65.

¹⁰ Там же. С. 65.

¹¹ Независимая газета. 2005 г. 3 июня. С. 14.

ших российских условиях они в чем-то перекрещиваются, особенно в условиях «демократического перехода»¹².

В наших исследованиях была сделана попытка соединить социально-психологический и идеологический уровни изучения идентичности. Но в целом доминировал социологический ракурс.

В качестве источника для рассмотрения проблем послужили результаты социологических исследований, которые мы проводили по сопоставимой программе и выборке в 1994 и 1999 гг. в Татарстане, Саха (Якутии), в 1994 г. в Северной Осетии-Алании — 1000 респондентов в каждой республике, в 1999 г. в Башкортостане — 1347 респондентов. Для сопоставления приводятся данные по Оренбургской области (1999 г.), где живут русские и татары (за пределами республики)¹³. За 2002 г. приводятся некоторые сравнимые данные по Татарстану и Саха (Якутии), полученные по проекту, руководимому Д. Барри-Бартлет, «Этничность и доверие в постсоветском обществе» и любезно предоставленные нам в знак давнего сотрудничества по предыдущим проектам. Участники и организаторы с российской стороны — П.М. Козырева, М.С. Косолапов.

В ходе массового стандартизированного интервьюирования нами использовались методики выбора общностей для идентификаций. (Частота выбора «мы-идентификаций» служила основанием для суждений о включенности людей в данный тип общностей). Методика «социального термометра» предполагала определение респондентом своей позиции на шкалах «достатка», «удовлетворенности трудом», «социального положения», «благополучия». Соотнесение этих двух методик позволяло выявить факторы, влияющие на интенсивность этнической и российской идентификаций. Мы использовали

¹² Многотысячные демонстрации 1990-х гг. в поддержку демократизации, электро-альные голосования свидетельствовали о пробуждении ответственности за судьбу страны, народа.

¹³ Привлекаются материалы трех проектов: «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в РФ» (1993 — 1996 гг.), «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997 — 1998 гг.), «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России» (1999 — 2000 гг.). Руководитель и автор проектов Л.М. Дробижева. Участники проектов: первого — А.Р. Аклаев, З.В. Анайбан, У.В. Винокурова; всех трех — В.В. Коротеева, А.А. Коростелев, И.М. Кузнецов, Р.Н. Мусина, С.В. Рыжова, Л.В. Сагитова, Г.У. Солдатова. Во втором и третьем проекте участвовали также В.В. Амелин, Э.М. Виноградова; в третьем — Д.Г. Брагина, Р.А. Кузьмина, Л.В. Остапенко.

методику «идеологемы» (автор — С.В. Рыжова), когда респондента просят выбрать суждения, с которыми он согласен: «Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности» или «Я никогда не забываю о своей национальности». Она позволяет судить об уровне идентичности. Выбор суждения «Каждому человеку важно чувствовать себя членом своей национальности» или «Человеку не обязательно чувствовать себя членом какой-либо национальности» является индикатором афилиативных установок.

Выбор суждений использовался и для выявления ценностей этнонационализма и гражданского национализма (автор Л.М. Дробижева). Так, первый параметрировался через выбор ценности: «Землей и природными ресурсами должна распоряжаться только республика», «Каждая республика должна иметь право на свободный выход из Российской Федерации», «Лучше развитие республики как суверенного государства в составе РФ», «Министерство внутренних дел республики должно подчиняться только правительству республики». Вторая ориентация на российскость, государственный национализм (не в оценочном, негативном значении) фиксировалась выбором суждений: «Землей, природными ресурсами должна распоряжаться только Российская Федерация», «Министерство внутренних дел республики должно подчиняться только МВД Российской Федерации», «Республики не должны иметь права выхода из РФ» и др.

Для выявления поведенческих стратегий использовалась методика «интеракции», позволяющая фиксировать ориентацию респондентов на агрессивные действия или сотрудничество. На уровень и содержание идентичности влияют психологические состояния людей, групп, поэтому мы также использовали эмотивные шкалы, улавливающие тревожность, раздражительность.

Кроме того, для изучения содержания идентичности мы используем данные глубинных интервью, проведенных с представителями элитных групп. 110 интервью, собранных в 1995 г., опубликованы в книге «Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой», М., 1996. 112 интервью (1999 г.), и 60 интервью (2004 — 2005 гг.) не опубликованы, и часть из них мы используем для понимания того, почему в массовом общественном сознании существуют те или другие идентичности, каково их наполнение.

В рамках статьи мы, конечно, не можем изложить все результаты изучения российской государственной и этнической идентичности. Представим те из них, которые в наибольшей мере связаны с целью данной статьи — выявить подвижность и предпочтения в выборе общероссийской государственной и этнической идентичности.

Актуальность и динамика изучаемых идентичностей

Оба вида идентичностей, которые мы рассматриваем, в человеческом восприятии вписываются в другие множественные идентичности и на уровне личности в большинстве случаев в более-менее спокойной социально-политической обстановке не являются доминирующими.

Если мы специально не ориентируем наших респондентов на обсуждение этнической или общегосударственной идентичности, то они не часто актуализируют их.

Выяснение значимости этих идентичностей осуществлялось с помощью известного в социологии и психологии теста Куна-Макпартленда. Респондента просили 5 раз ответить на вопрос «Кто я?» По устной инструкции интервьюер просил назвать наиболее важные для респондента характеристики.

Доминируют у всех национальностей базовые категории (к ним нами отнесены самоопределения типа: человек, семейные — ролевые, гендерные). Они составляют от 50 до 70 % всех самоидентификаций.

Как правило, этнические категории составляли в наборе всех самоопределений в 1994 г. (когда воспоминания о национальных движениях, конфликтах были еще очень остры) не более чем 6–14 %. Конечно, они были актуализированы в ситуациях конфликтов, особенно насильственных.

Государственная идентичность в групповых идентификационных матрицах по тесту Куна-Макпартленда тоже не занимала большого места.

Этнические самоопределения респонденты давали себе чаще, чем называли себя россиянами или гражданами локального сообщества. Наиболее выраженной этнической идентичностью в условиях этнических конфликтов была у осетин и русских из Северной Осетии-Алании. Но надо сказать, что эта ситуация обостряла и республиканское, и российское самосознание. По результатам опросов, было очевидным, что для осетин и русских, причем для последних даже в большей степени, принадлежность к республике и России была намного значимее, чем для жителей других регионов.

Казалось бы, в Татарстане и Саха (Якутии) начало 90-х гг. было временем прямых последствий провозглашения суверенитетов, принятия конституций, в Татарстане — проведения референдума и этнополитического конфликта с Москвой. Солидаризация в республике, а для русских актуальность российской общности, могли бы существенно повыситься. Но на уровне личностной самоидентификации это сильно не сказывалось.

Пока мы сопоставляли актуальность этнической и общероссийской идентичности в сравнении с другими. Но важно представить, как менялись ориентации и солидарности — внутриэтническая, республиканская, российская. В опросах 1999 и 2002 гг. респондентам — русским, татарам, якутам — задавали вопрос в формулировке: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их, иные же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Если говорить о Вас, то как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы могли бы сказать: "Это — мы"?». Далее шло перечисление: «часто», «иногда», «никогда», «не знаю».

Прежде всего, обращают на себя внимание изменения, происшедшие с конца 90-х гг. до 2002 г. Интенсивность всех трех солидарностей возросла в каждой этнической группе. В Татарстане, например, доля русских, которые часто ощущали общность с гражданами России, увеличилась более чем в два раза, у татар — почти в два раза. При этом и интенсивность этнической идентичности у тех и других тоже выросла почти вдвое.

Российская идентичность растет и интенсифицируется, но при этом этническая остается более значимой. Обращает на себя внимание и отличающаяся значимость российской и локальной идентичности в разных регионах страны. У русских в Саха (Якутии) российская идентичность опережала республиканскую (71 % против 60 % в 1999 г.), а в Татарстане — российская несколько уступала республиканской (на 6 — 10 пунктов в 1999, 2002 гг.).

Этническая идентичность более выражена, чем российская, актуальна и интенсивна. Еще в 90-е гг. исследования показывали, что этничность уступает поколенческой, профессиональной идентификации по интенсивности. В 2002 г. она и у русских, и других национальностей — в нашем случае у татар, якутов — конкурировала с ними практически на равных. Можно говорить о *чувстве этнической солидарности*. Подтверждением этому был выбор респондентами ответа «Современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа». На рубеже веков его сделали более 60 % татар, около 80 % якутов, примерно половина русских как в республиках, так и в Оренбургской области.

Ранее приходилось отмечать, что в условиях, когда бывшие граждане СССР потеряли свою прежнюю государственную идентичность, веру в правильность своего исторического выбора и реальность многих достижений, когда значительная часть населения меняла свой привычный социальный статус, этническая солидарность давала некоторую психологическую поддержку.

В поликультурной среде этническая идентичность приобретает особую чувствительность и к самооценке, и к оценке себя другими. Это отражается в декларациях властных элит, в дискурсе СМИ, в текстах учебников и художественной литературы. Все, кто изучает этничность, легко могут привести множество примеров подобных реакций. Чувство достоинства — неизменный спутник и один из важных работающих элементов в этнической идентичности. Среди факторов, которые «очень важны» для ощущения «равенства или неравенства», русские, башкиры, татары, якуты на втором месте после «равенства перед законом», «возможности получить образование» или наравне с последним называли «уважение достоинства моего народа». Оно оказывалось даже важнее «возможности получить работу независимо от национальности» или «приобрести собственность». Более 60 % респондентов называли это условие «очень важным» для них, чтобы чувствовать свое равенство в обществе.

В этом этнорегиональном самочувствии есть представление о несправедливости распределения благ для человека по параметру Центр — периферия. Не случайно в условиях рецентрализации по реформам В.В. Путина, 60 % татар и 31 % русских в Татарстане высказывались за то, чтобы землей и природными ресурсами распорядилась республика или они были бы в совместном распоряжении с федеральным Центром. При том, что практически 80 % татар и 85 % русских считали, что для Татарстана лучше развиваться в составе России, 69 % татар и 74 % русских полагали, что республики могут иметь право на выход или это зависит от обстоятельств. Последнее, скорее всего, и говорит о психологической потребности в *свободном* выборе общероссийского единства.

Насколько значима эта группа людей, про которых можно сказать, что у нее актуализированная этническая идентичность?

В целом этническая солидаризация типа «мы — татары», «мы — русские» распространена широко и характерна практически для 90 % респондентов во всех этнических группах. Но доля тех, кто *часто* себя этнически идентифицирует, кто выбирал ответ «я никогда не забываю, что я — якут (татарин, осетин, русский человек)», больше среди сельских жителей, среди специалистов среднего звена, среди тех, кого можно отнести к низшему слою «среднего класса», кто относил себя к низшему классу. Это чаще немолодые люди. Среди саха в группе до 40 лет таких людей 34 %, а среди более старших возрастов — 50 %, у татар соответственно — 52 и 58 %.

Среди специалистов высшей квалификации у татар, якутов, русских так себя идентифицируют 39 — 44 %, а среди специалистов сред-

ней и низшей квалификации, работников физического труда — 52 — 70 %. Те же тенденции у русских и татар в Оренбуржье.

Как известно, среди ученых — сторонников механистического варианта теории модернизации этничность рассматривалась как уходящее явление, пережиток традиционного общества, которое должно исчезать в процессе модернизации обществ¹⁴. И даже после взрыва этничности, расширения и обострения этнической вражды и насилия в 1960 — 1970-е гг. и затем в 1980 — 1990-е гг. при конфликтах уже в условиях глобализации в Европе, США и Канаде, в Азии и Африке все еще остается представление об этничности как анахронизме в наше время¹⁵.

Но даже те, кто считает актуальную этничность рудиментом, должны представлять, что это феномен живой и довольно широко распространенный. В самом неблагоприятном варианте акцентированная этническая идентичность выражается в готовности к любым средствам действия во имя своей национальности. В нашем опросном листе респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с высказыванием «любые средства хороши для защиты интересов своего народа». По данным на 1997 г., так считало не менее четверти опрошенных (25 % татар, 29 % осетин, 34 % саха, 23 — 29 % русских в республиках). В 2000-е гг. такая гиперидентичность не уменьшилась, а среди русских она увеличилась. Чаще всего она тоже была характерна для менее благополучного, в чем-то обездоленного населения. Лечить социальные беды — одно из направлений снятия не только социальной, но и этнической напряженности и гипертрофии этничности.

Но это средство тоже не для всех. Ведь и в более благополучной, образованной среде, в группах мобильного населения, адаптировавшегося к новой жизни, от 30 до 50 % — люди с актуализированной этнической идентичностью. Именно в их среде категоризируется этническая идентичность.

Категоризация этнической идентичности на повседневном и идеологическом уровне

Категоризация идентичности осуществляется на уровне повседневного восприятия и на идеологическом уровне.

¹⁴ *Smelzer N.J.* Mechanisms of change and adjustment to change // *Hoselitz B.F., Moore W.E.* (eds.). *Industrialization and Society*. The Hague: UNESCO, 1963.

¹⁵ См. об этом подробнее: *Лебедева М.М., Юрченко В.М.* Политическая конфликтология. Краснодар, 2000; *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М., 2005.

Обыденное повседневное восприятие этнической идентичности изучалось нами через анализ ответов респондентов на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?» После предварительного пилотажа нами было внесено в опросный лист несколько наиболее значимых описаний: «язык», «культура/обычаи», «природа», «черты характера, психология», «религия», «историческое прошлое», «общая государственность», «внешний облик».

У русских первые четыре места из восьми вариантов описаний занимали язык, культура, природа, историческое прошлое. Первые три символа являются этнообъединяющими и у народов, дающих название республикам. На четвертое место у якутов в 1994 г. поставлены черты характера, в 1999 г. с культурой конкурировал признак — «родная земля, природа», у тувинов (1994 г.) — внешность, у татар — родная земля, природа. Общность исторической судьбы большую значимость имела в Северной Осетии-Алании, для осетин и русских (49 % против примерно 30 % выборов в других республиках). Сказывалось приграничное расположение республики в условиях попытки сецессии в соседней Чечне и борьбы за объединение с южными осетинами.

В Татарстане определяющих себя по религиозности — 30 % у татар, 28 % у русских, в Саха (Якутии) — 7 % у якутов и 10 % русских. В этнокатегоризации в той или иной мере отражается реальность.

Методологически важно развести представления (по Московичи) и идеологию. На примере этнокатегоризации видно, что далеко не все задаваемые в идеологии постулаты глубоко осваиваются людьми. Вспомним, как часто в литературе говорится о государственности русских, а по государству идентифицируют себя среди них не более 20 — 25 %.

На идеологическом уровне в декларировании ценностей этнической идентичности истории государственности всегда отводится важное место. Татарские идеологи, обращаясь к истории золотоордынского периода, «увеличивают вес» исторических обоснований значимости своего народа. В идеологическом обосновании этничности саха заметное место уделялось историческому прошлому (жизнь до прихода русских, попытки складывания государственности, поиски археологических памятников, обосновывающих автотонность саха).

Самое весомое обоснование этнической идентичности, конечно же, дается через значимость языка для культуры народа, отсюда шли требования государственного языка, без которого невозможно развивать высокую (по Геллнеру) культуру.

В идеологическом дискурсе о татарской идентичности много внимания уделялось воспоминаниям о распространении образования у татар через медресе, ценности образования в представлении народа. В последние годы в связи с обоснованием введения латинской графики задавалась идея значимости образования на ней для более интенсивного вхождения в мировое информационное поле. Практически у всех народов выражалась обеспокоенность потерей языка, культуры. Борьба с манкуртизмом выплескивалась на страницы литературы, в прессу (об этом писали Л. Сагитова, У. Винокурова и др.). Особенностью идеологического дискурса вокруг якутской идентичности была концентрация тревог за потерю своей особой природы, ресурсов и декларирование «природной толерантности», связанной с суровой природой. (О толерантности якутские идеологи заговорили раньше идеологической кампании в связи с объявлением ООН 1995 г. — годом толерантности.)

В Северной Осетии в идеологическом дискурсе помимо общих для всех других народов идей защиты языка, культуры, как уже говорилось, особое значение придавалось истории в связи с обоснованиями территориальных границ и воссоединения северных и южных территорий Осетии. Акцентация исторического прошлого завершилась изменением названия республики, которая теперь именуется Северной Осетией-Аланией.

Идеологическое поле для русской идентичности в республиках складывалось под влиянием как идеологем, формулируемых за пределами республик, так и ассоциированных с тем, что говорилось, писалось идеологами титульных национальностей. Не случайно анализ категоризаций обыденного сознания русских показывает высокое созвучие в выборе ими характеристик своей идентичности с теми народами, в среде которых они живут.

Идеологический накал в обосновании русской идентичности в республиках, конечно, меньше. Русские чаще живут идеями, транслируемыми из Москвы, а в самих республиках той информацией, которая поступает из местных газет оппозиционной направленности по отношению и к центральной, и местной власти.

Идеи же, которые транслировались из Москвы, были, как известно, самой различной направленности. Если в конце 80-х и начале 90-х гг. доминировали идеологемы ущерба от сталинизма (так же как и у других народов), дефектов советского периода, поиска ответственных за судьбу русского народа, идеи самоориентации, то к концу 90-х гг. и в начале XXI в. набор идеологем заметно расширился.

Идеологию русского самосознания, конечно, нельзя сводить к русскому радикальному национализму — идеям, декларируемым РНЕ, национал-большевистской партией Э. Лимонова. Нам приходилось писать о центристских направлениях в том же «Нашем современнике». И совершенно правы О.Д. Волкогонова и И.В. Татаренко в том, что в последние годы умеренная версия русского национализма стала заметно проявляться при обсуждении проблем русских, оставшихся за пределами страны, возможности приема мигрантов, сокращения армии, реституции культурных ценностей, она «неявно присутствует в антизападничестве», «кавказофобии».

Стремясь противостоять идеологии этнического национализма, исследователи обращаются к идее Л. Гринфельда противопоставить этническому национализму гражданскую нацию и гражданский национализм, в котором приоритет прав остается за личностью, а не за нацией. Но все же и гражданская нация, нация в значении государственной общности тоже имеет свои идеалы, ценности, объединяющие мифологемы, и питаются они прежде всего историей, традициями, культурой доминирующего народа. Поэтому можно согласиться с Э. Смитом в том, что, различая выделенные два типа национализма, не стоит забывать: это всего лишь два идеальных типа и «каждый национализм содержит гражданские и этнические элементы в разной степени и в разной форме».

Так же относительно делимо этническое и общегосударственное самосознание. Но в условиях кардинальных трансформаций, которые переживали русские и все другие народы России, амплитуда разделенности возросла и в какой-то период, в начале 90-х гг., приобрела кризисное состояние.

Категоризация общероссийской государственной идентичности: идеологический и социально-психологический уровень

В том, что российская государственная идентичность должна утверждаться, согласны специалисты разных научных школ и направлений. И даже зарубежные кремленологи считают «важным для России определенное восстановление национальной идентичности вдоль культурных линий, вдоль исторических линий». И пока это восстановление не заходит слишком далеко, не становится нацизмом или фашизмом, или до тех пор, пока оно не превращается в идеологию, которая лишает некоторых членов российского общества полноправного участия, — все в порядке, — считает Кайт Блэкер, директор Института международных исследований Стенфордского уни-

верситета, ведущий специалист Белого дома по России и СНГ в Администрации Б. Клинтона¹⁶.

Специалисты расходятся в стратегии и способах ее формирования. Это предмет специального историографического анализа. Частично он осуществлен мной в книгах «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 80-х годов» (1996) и "Ethnic Conflict in the Post-Soviet World" (1996).

Судя по материалам опросов, накануне XXI в. на личностном уровне россиянами себя определял не совсем узкий круг людей — 60 — 70 % русских в республиках и областях (Оренбуржье, Магаданская область), более 50 — 60 % татар, якутов и башкир идентифицировали себя как россияне.

В условиях, когда бывшие советские граждане потеряли свое прежнее Отечество, и нашей стране чуть более 10 лет, это не выглядит трагично.

Россия — это страна, которую никто не хотел. Авторы трансформации Союза полагали, что будет СНГ. И даже зарубежные лидеры побаивались раскола страны из-за непредсказуемости последствий, неуправляемости территорий со стратегическим оружием. У меня осталось сильное впечатление от образа России, о котором говорил профессор Мичиганского университета (США) Рональд Суни. На рубеже веков он сказал: «Россия — это для меня пока не страна, а мечта».

И все же у большинства населения в стране российская идентичность уже есть (об этом говорят и данные, приведенные в статье Е.Н. Даниловой в этой книге). Россиянами увереннее себя идентифицируют люди в молодом и среднем возрасте. Это понятно: люди старшего поколения еще нередко идентифицируют себя с гражданами СССР. С тем периодом у них связана молодость, многие тоскуют по стабильности, привычной в прошлом жизни.

Среди тех, кто имеют российскую идентичность (сравниваются с теми, кто ее не имеет или выбирает местную), чуть больше тех, кто удовлетворен работой, у кого положение на работе улучшилось, кто выбирает позицию «жить трудно, но можно терпеть» и «все не так плохо и жить можно». Среди них, естественно, больше тех, кто «часто», а не «иногда» идентифицирует себя «со всеми гражданами России», но не больше тех, кому нравятся и кто «чувствует себя близко» с русскими националистами (3 — 8 % по всем массивам).

Образ россиян, в какой-то мере фиксируемый в ходе массовых оп-

¹⁶ Независимая газета, 3 июня 2005.

росов, основывается на агрегированных показателях взглядов на страну, на то, какой ее хотят видеть граждане. Эти показатели не вскрывают всей сложности и внутренней разнородности содержания, которое несет в себе этот образ. Поэтому мы попытаемся совместить их с материалами глубинных интервью с элитами, теми людьми, которые и конструируют этот образ или транслируют его в массы.

В их описаниях образа России, той, как они ее видят, и с которой себя идентифицируют, присутствует несколько составляющих.

Прежде всего, цивилизационное определение России — страна между Востоком и Западом («мы все же страна западной цивилизации», «мы — евразийцы», «до Запада никак не дотянемся, мы — особая «цивилизация»). Несколько раз и в 1999 г., и в 2004 г. было употреблено определение «российская цивилизация». Наполнение этих определений идет обычно за счет набора присущих людям нашей страны экономических, социально-культурных ценностей в сопоставлении с Западом или Востоком: передовая — отстающая, модернизирующаяся, европейская, богатая ресурсами, талантливыми людьми, «блоху подкуем», «освоили космос», «если не потеряли бы от войн, революции, были бы передовой страной», «нам есть чем гордиться», «имеем культурное наследие, признаваемое всем миром». В противопоставление давали характеристики: «мы — больше азиаты», «не бережем ресурсы», «достигаем штурмом», «не хватает культуры», «нужна палка, дисциплина», «страдаем от коррупции», «воров много».

Набор описаний часто связан с историческими воспоминаниями от Петра I, Столыпина до Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и Горбачева с Ельциным, а затем с ассоциациями времени В. Путина.

С цивилизационными определениями сочетаются и раздумья: в каком направлении должно идти развитие. Среди интервью с элитами не было ни одного, в котором содержалась бы идея вернуться в советское прошлое, хотя среди респондентов были и коммунисты, и представители оппозиционных партий. Никто не назвал в 1990-е гг. желаемой перспективой капитализм. В 2000-е гг. появляется идея желаемого «не дикого, а нормального капитализма», «справедливого общества». Почти все использовали определения «Запад», «американцы», «как Америка», «как в Европе». Чаще всего желаемая Россия — это страна с преимуществами Запада («благополучно живущее большинство населения», «рациональное использование ресурсов», «порядок в организации труда»), но отличная от него («у нас свои ценности», «общество должно быть более справедливым», «не должно быть бедных», «не допускать свободы порнографии», «сохранить культуру» — в это вкладывается обыч-

но протест против примитивизма массовой культуры, считающейся пришедшей с Запада).

В целом из описаний создается образ россиян как людей, живущих в стране постоянно догоняющего развития. Но, поскольку это задевает самолюбие думающих людей, конструируется образ — мы отличная (не загадочная, какая-то особая), другая страна. При этом никто не дал названия того общества, которое будет в желаемой России. А в интервью 2004 г. не раз встречалось утверждение о возврате к советскому прошлому.

Одна из ведущих черт образа — внешнеполитическая составляющая: отношение с западными странами, НАТО, проблема стратегии, которой мы должны придерживаться («дружба» или «изоляция», «наступать» или «встраиваться», «защищать границы», не распродавать богатства). Запад привлекателен и угрожающ. Доминирующим все же в определении желаемого образа выступает Россия с политикой прагматизма. Большая или меньшая настороженность к Западу и к Востоку сочетается с надеждой на развитие сотрудничества во имя экономического благополучия и сохранения мира («избегать риска», «не допустить конфликтов» и т.п.).

Внутреннее содержание образа соединяет представления о большой, богатой ресурсами стране, с культурным наследием, которым гордятся, и одновременно «попранном достоинстве», потерях и ущербах от революции, войны, неразумной перестройки (комплекс неполноценности).

В этих внутренних описаниях значительное место занимает «образ врага» («давит Запад», «приехало много мигрантов», «не перевариваем нахлынувших из Китая, Вьетнама, Кавказа» и т.п.). Негативная эмоциональная подпитка образа звучала в большинстве интервью. Именно она стимулирует оборонные, а иногда и агрессивные ориентации.

В целом тот образ россиян, который улавливается из элитных интервью, ближе всего к центристскому. С ним, главным образом, идентифицирует себя российское население. Любопытно, однако, что только в некоторых интервью (трех за 2004 г.) звучала мысль об ответственности людей за происходящее в стране, о необходимости солидарных действий, о возможности влияния на власть, т. е. то, что можно было бы квалифицировать как выражение гражданского самосознания. Примечательно то, что в какой-то мере это сознание проявлялось в озабоченности за судьбу города, региона.

Наши элитные респонденты были выделены на основе ответов в массовых интервью, полученных по репрезентативной выборке.

Стоял вопрос: «Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает сейчас интересы людей Вашей национальности?» Следовательно, можно полагать, что они отражают то мнение, с которым солидаризируется большинство наших граждан. Конечно, в каждом конкретном регионе, в зависимости от особенностей обстановки, могут быть отклонения. Но в целом субъекты Федерации, в которых мы работали, представляют общую ситуацию в стране в ее разнообразии (исключая Северный Кавказ, хотя в Северной Осетии-Алании в 1994 и 1997 гг. проводились сравнительные исследования).

Выводы на основе элитных интервью коррелируют и дополняются данными массовых опросов.

В разных регионах и этнических группах сохраняется внутривнутригосударственная патриотическая ориентация. Свыше 60 – 70 % в 1999 г., и не меньше в 2002 г. русских, татар, якутов, башкир считали, что «даже для спасения экономики России нельзя распродавать ее природные богатства».

Но государственный патриотизм в основном был взвешенный, умеренный. Об укреплении военной мощи по радио, телевидению россияне слышали часто, но с мнением «для сохранения военной мощи Российской Федерации можно идти на снижение жизненного уровня» соглашалось менее 10 %.

Выступая за сохранение целостности страны, более трети русских в субъектах Федерации считали, что республики должны иметь право на выход. Уже в условиях путинских реформ по укреплению централизации в стране, которые, по данным Левада-Центра, поддерживало большинство в Татарстане, который нередко Центр обвинял в сепаратизме, половина русских все же считали, что такое право у республик должно быть или «это зависит от обстоятельств». Российскость не стала для большинства этноцентричной. С мнением, что «Россия должна быть для русских», соглашалось не более 20 % русских, тем более с этим не были согласны другие национальности. Около 60 % русских было согласно, или скорее согласно, с мнением: «Российское правительство должно делать больше для обеспечения прав национальных меньшинств». И это в условиях, когда антикавказские настроения отнюдь не снижались.

Данные говорят о том, что государственный ультрапатриотизм чаще был свойственен популистским политикам, чем населению. Но, конечно, и 20 % людей с этнодоминирующими установками в государственной политике – группа достаточная, чтобы разворачивать идеи А. Проханова, А. Дугина, созвучные с ориентациями «новых правых» в Австрии, Франции, Германии. Идеи этнодоминирования в респуб-

лика у титульных национальностей распространены еще шире, что создает опасность межнациональной конфронтации. В таких ситуациях важно, какие идеи являются не разъединяющими, а объединяющими. Одну из них мы уже назвали — это защитная идея — сохранение в стране ресурсов. Другая — отношения с Западом. Большинство и русских, и титульных национальностей едины в противопоставлении себя Западу, согласны с тем, что «Запад нам оказывает экономическую помощь, чтобы поставить нашу страну в зависимость». В то же время это не изоляционизм. Более трети респондентов расширение отношений с Западом оценивали положительно, а 40 — 50 % — видели в этом положительное и отрицательное. В путинский период это соотношение в худшую сторону не менялось. Таким образом, массовое общественное мнение в целом ближе к центристскому типу российской идентичности. Устойчиво сохраняется психологическое чувство ущерба, потерь. Практически половина и русских, и других национальностей полагают, что теряют самобытность культуры.

Считается, что чувства потери, ущерба сплывают общность. Но сплочение на такой основе не продуктивное, и к тому же каждый народ в потере культурной самобытности винит «других». Этими другими выступают для всех «Запад» или «советская власть», но для нерусских эта вина нередко возлагается на доминирующий народ.

Позитивные объединяющие общероссийские ценности еще предстоит утверждать. Их ищут давно политики, идеологи, и нельзя сказать, что успешно. Именно такая ситуация заставляет, на наш взгляд, ставить вопрос «стоит ли противопоставлять этническую, этнонациональную и общероссийскую идентичности?»

Как мы видели из приведенного материала, когнитивное наполнение российской идентичности в чем-то совпадает, а в чем-то не совпадает с этнической. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Российская идентичность — на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает российской идентичности. Когнитивное наполнение той и другой идентичности не исключает, а способно дополнять друг друга. Это дает нам основание говорить о совместимости этих идентичностей. Но эта совместимость возможна при определенных условиях.

Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичности, государство должно выстроить систему отно-

шений, основанную на взаимопонимании. В стране, где русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства. Но именно поэтому, чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для других народов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российскостью, должны соответствовать также и их интересам и ценностям.

Формирование гражданского сознания, солидаризации с ценностью человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к индивидуальному выбору могло бы как раз стать цементирующим государственную и этническую идентичность, делающим государственную идентичность привлекательной для всего населения страны.